

ниху, войск ее императорского величества генералу фельдмаршалу».¹¹

В «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735) Тредиаковский вообще не стал характеризовать оду как жанр: «...однако ничего я здесь не буду объявлять об одах, что они значат: ибо я довольное рассуждение о них положил вообще, после оды о эдаче Гданска, которая напечатана; того ради желающих об одах ведать, туда отсылаю...».¹² Тредиаковский оставил без разрешения ряд очень важных стилистических проблем русской похвальной оды. По-видимому, он считал, что его позиция в вопросах языка достаточно ясно и полно охарактеризована в предисловии к «Езде в остров любви» и в «Речи» 1735 года. В этих программных выступлениях Тредиаковский говорит только о русском языке; церковнославянский язык он в сущности отмечает начисто и рассматривает как мертвую грудку материалов, из которой можно делать только отдельные заимствования для пополнения языка художественной литературы. Никакого представления о возможности синтеза русского и церковнославянского в литературном языке у Тредиаковского не было, по-видимому, до конца 1740-х годов, когда он под влиянием «Риторики» (1748) Ломоносова радикально изменил свои позиции. Во всяком случае еще в 1745 году, в «Слове о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве», которым Тредиаковский ознаменовал свое назначение академиком, он говорит только о родном языке как материале для «красноречия»: «Чтоб с самого начала мнение мое объявить, определяю, что о природном своем языке, больше нежели о всех прочих, каждому надлежит попечение иметь: но чего ради я так определяю, причины, которые у меня наиважнейшими почитаются, здесь рассмотреть охотно потщусь. Из оных самое первое есть: *наичастейшее употребление и почитай ежечасное*».¹³ Все приводимые Тредиаковским исторические и современные примеры направлены против хорошо известных ему, из длительного личного общения в начале 1740-х годов, литературных взглядов Ломоносова, уже в 1743 году высказавшегося за синтез церковнославянского и русского.

Не высказался Тредиаковский и по одному очень существенному для оды вопросу: как должно идти в оде изложение, от чьего имени, от какого лица? Дальнейшее развитие русской оды во второй половине 1730-х годов показало, что стилистика ее допускала разные решения этой проблемы.

¹¹ Там же, стр. 28—30.

¹² Новый и краткий способ к сложению российских стихов. СПб., 1735, стр. 58.

¹³ Сочинения Тредьяковского, том третий, изд. А. Смирдина, СПб., 1849, стр. 571—572. Курсив Тредиаковского.